

Аркадий Тайдар

Тимур
и его
команда

Рисунки Г. Мазурин

АСТ • Москва

Тимур
и его команда

Повесть

Вот уже три месяца, как командир бронедивизиона полковник Александров не был дома. Вероятно, он был на фронте.

В середине лета он прислал телеграмму, в которой предложил своим дочерям Ольге и Жене остаток каникул провести под Москвой на даче. Сдвинув на затылок цветную косынку и опираясь на палку щетки, насупившаяся Женья стояла перед Ольгой, а та ей говорила:

– Я поехала с вещами, а ты приберешь квартиру. Можешь бровями не дергать и губы не облизывать. Потом запри дверь. Книги отнеси в библиотеку. К подругам не заходи, а отправляйся прямо на вокзал. Оттуда пошли папе вот эту телеграмму. Затем садись в поезд и приезжай на дачу... Евгения, ты меня должна слушаться. Я твоя сестра...

– И я твоя тоже.

– Да... но я старше... и, в конце концов, так велел папа.

Когда во дворе зафырчала отъезжающая машина, Женья вздохнула и оглянулась. Кругом был разор и беспорядок. Она подошла к пыльному зеркалу, в котором отражался висевший на стене портрет отца.

Хорошо! Пусть Ольга старше и пока ее нужно слушаться. Но зато у нее, у Жени, такие же, как у отца, нос, рот, брови. И, вероятно, такой же, как у него, будет характер.

Она ту же перевязала косынкой волосы. Сбросила сандалии. Взяла тряпку. Сдернула со стола скатерть, сунула под кран ведро и, схватив щетку, поволокла к порогу груды мусора.

Вскоре запыхтела керосинка и загудел примус. Пол был залит водой. В бельевом цинковом корыте шипела и лопа-лась мыльная пена. А прохожие с улицы удивленно погля-дывали на босоногую девчонку в красном сарафане, кото-рая, стоя на подоконнике третьего этажа, смело протира-ла стекла распахнутых окон.

Грузовик мчался по широкой солнечной дороге. По-ставив ноги на чемодан и опираясь на мягкий узел, Ольга сидела в плетеном кресле. На коленях у нее лежал рыжий котенок и теребил лапами букет васильков.

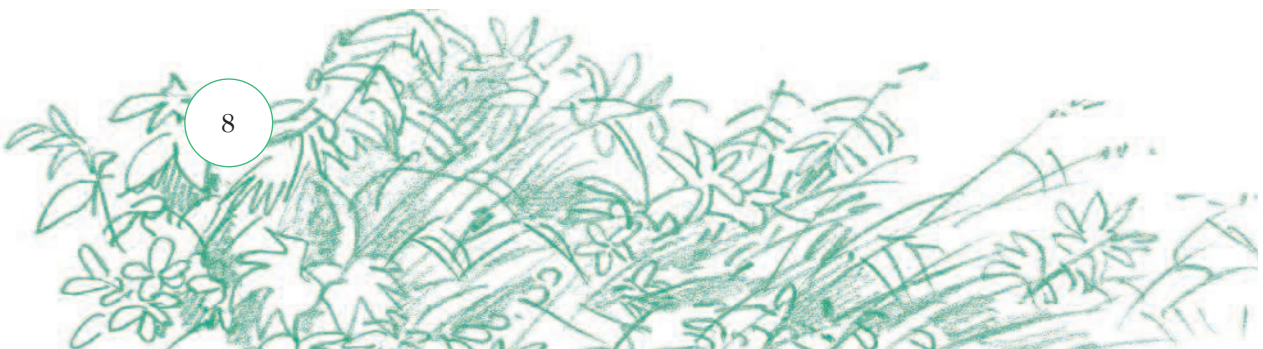
У тридцатого километра их нагнала походная красно-армейская мотоколонна. Сидя на деревянных скамьях ря-дами, красноармейцы держали направленные дулом к небу винтовки и дружно пели.

При звуках этой песни шире распахивались окна и двери в избах. Из-за заборов, из калиток вылетали об-радованные ребятишки. Они махали руками, бросали красноармейцам еще незрелые яблоки, кричали вдо-гонку «ура» и тут же затевали бои, сражения, врубаясь в полынь и крапиву стремительными кавалерийскими атаками.

Грузовик свернул в дачный поселок и остановился пе-ред небольшой, укрытой плющом дачей. Шофер с помощ-ником откинули борта и взялись сгружать вещи, а Ольга от-крыла застекленную террасу.

Отсюда был виден большой запущенный сад. В глубине сада торчал неуклюжий двухэтажный сарай, и над крышею этого сарая развевался маленький красный флаг.

Ольга вернулась к машине. Здесь к ней подскочила бой-кая старая женщина – это была соседка, молочница. Она вызвалась прибраться дачу, вымыть окна, полы и стены.

Пока соседка разбирала тазы и тряпки, Ольга взяла котенка и прошла в сад.

На стволах обклеванных воробьями вишен блестела горячая смола. Крепко пахло смородиной, ромашкой и полынью. Замшелая крыша сарая была в дырах, и из этих дыр тянулись поверху и исчезали в листве деревьев какие-то тонкие веревочные провода.

Ольга пробралась через орешник и смахнула с лица паутину. Что такое? Красного флага над крышей уже не было, и там торчала только палка.

Тут Ольга услышала быстрый, тревожный шепот. И вдруг, ломая сухие ветви, тяжелая лестница – та, что была приставлена к окну чердака сарая, – с треском полетела вдоль стены и, подминая лопухи, гулко брякнулась о землю.

Веревочные провода над крышей задрожали. Царапнув руки, котенок кувыркнулся в крапиву. Недоумевая, Ольга остановилась, осмотрелась, прислушалась. Но ни среди зелени, ни за чужим забором, ни в черном квадрате окна сарая никого не было ни видно, ни слышно.

Она вернулась к крыльцу.

– Это ребятишки по чужим садам озоруют, – объяснила Ольге молочница. – Вчера у соседей две яблони обтрясли, сломали грушу. Такой народ пошел... хулиганы. Я, дорогая, сына в Красную Армию служить проводила. И как пошел, вина не пил. «Прощай, – говорит, – мама». И пошел и засвистел, милый. Ну, к вечеру, как положено, взгрустнулось, всплакнула. А ночью просыпаюсь, и чудится мне, что по двору шныряет кто-то, шмыгает. Ну, думаю, человек я теперь одинокий, заступиться некому... А много ли мне, старой, надо? Кирпичом по голове стукни – вот я и готова. Однако бог миловал – ничего не украли. Пошмыгали, пошмыгали и ушли. Кадка у меня во дворе стояла – дубовая,

вдвоем не своротишь, – так ее шагов на двадцать к воротам подкатили. Вот и все. А что был за народ, что за люди – дело темное.

В сумерки, когда уборка была закончена, Ольга вышла на крыльцо. Тут из кожаного футляра бережно достала она белый, сверкающий перламутром аккордеон – подарок отца, который он прислал ей ко дню рождения.

Она положила аккордеон на колени, перекинула ремень через плечо и стала подбирать музыку к словам недавно услышанной ею песенки:

Ах, если б только раз
Мне вас еще увидеть,
Ах, если б только... раз...
И два... и три...
А вы и не поймете
На быстром самолете,
Как вас ожидала я
до утренней зари
Да!

Летчики-пилоты!
Бомбы-пулеметы!
Вот и улетели
в дальний путь.
Вы когда вернетесь?

Я не знаю, скоро ли,
Только возвращайтесь...
хоть когда-нибудь.

Еще в то время, когда Ольга напевала эту песенку, несколько раз бросала она короткие настороженные взгляды в сторону темного куста, который рос во дворе у забора. Закончив играть, она быстро поднялась и, повернувшись к кусту, громко спросила:

– Послушайте! Зачем вы прячетесь и что вам здесь надо?

Из-за куста вышел человек в обыкновенном белом костюме. Он наклонил голову и вежливо ей ответил:

– Я не прячусь. Я сам немного артист. Я не хотел вам мешать. И вот я стоял и слушал.

– Да, но вы могли стоять и слушать с улицы. Вы же для чего-то перелезли через забор.

– Я?.. Через забор?.. – обиделся человек. – Извините, я не кошка. Там, в углу забора, выломаны доски, и я с улицы проник через это отверстие.

– Понятно! – усмехнулась Ольга. – Но вот калитка. И будьте добры проникнуть через нее обратно на улицу.

Человек был послушен. Не говоря ни слова, он прошел через калитку, запер за собой задвижку, и это Ольге понравилось.

– Погодите! – спускаясь со ступени, остановила его она. – Вы кто? Артист?

– Нет, – ответил человек. – Я инженер-механик, но в свободное время я играю и пою в нашей заводской опере.

– Послушайте, – неожиданно просто предложила ему Ольга. – Проводите меня до вокзала. Я жду младшую сестренку. Уже темно, поздно, а ее все нет и нет. Помните, я никого не боюсь, но я еще не знаю здешних улиц. Однако постойте, зачем же вы открываете калитку? Вы можете подождать меня и у забора.

Она отнесла аккордеон, накинула на плечи платок и вышла на темную, пахнущую росой и цветами улицу.

Ольга была сердита на Женю и поэтому со своим спутником по дороге говорила мало. Он же сказал ей, что его зовут Георгий, фамилия его Гараев и он работает инженером-механиком на автомобильном заводе.

Поджидая Женю, они пропустили уже два поезда, наконец прошел и третий, последний.

– С этой негодной девчонкой хлебнешь горя! – огорченно воскликнула Ольга. – Ну, если бы еще мне было лет сорок или хотя бы тридцать. А то ей тринадцать, мне – восемнадцать, и поэтому она меня совсем не слушается.

– Сорок не надо! – решительно отказался Георгий. – Восемнадцать куда как лучше! Да вы зря не беспокойтесь. Ваша сестра приедет рано утром.

Перрон опустел. Георгий вынул портсигар. Тут же к нему подошли два молодцеватых подростка и, дожидаясь огня, вынули свои папиросы.

